

Д.Б. Рамазанова

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
Казань

К ВОПРОСУ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ ВАРИАНТОВ АФФИКСА АБСТРАКТНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ*

В статье рассматриваются изоглоссы вариантов аффикса принадлежности - *нықы/-неке* в татарском языковом пространстве.

Ключевые слова: изоглосса, аффикс - *нықы/-неке*, ареал.

In the article, the author concentrates on the study of isoglottic forms of the possessive form -*nyqy / -neke* (- *нықы/-неке*) in the Tatar linguaspace.

Key words: isogloss, affix (form) - *nyqy /-neke*, harel.

Как известно, в говорах продолжают сохраняться уникальные языковые явления, которые по тем или иным причинам оказались в числе периферийных особенностей, не нашли отражения в структуре литературного языка. Некоторые диалектальные особенности представляют собой исторически более древние варианты их литературных эквивалентов. Последние имеют большое значение для разработок в историческом плане, способствуют раскрытию истории возникновения отдельных грамматических либо фонетических и лексических форм.

Работа над «Атласом татарских народных говоров» в плане перевода на электронную версию позволила определить географию распространения картографируемых явлений (на «Атласе» изображены 68 явлений по фонетике, 50 – по грамматике, 3 – по синтаксису, 93 – по лексике).

В данной статье будут рассмотрены ареалы распространения различных вариантов формы абстрактной принадлежности (*-нықы/-неке*), составляющих

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Грант № 11-04-12020В.

отдельные этапы развития указанной формы в ходе формирования татарского языка, характер их изоглосс.

В тюркологии установлено, что форма *-нықы/-неке* представляет собой сложное образование, восходящее к сочетанию аффикса родительного падежа *-ның/-нең* с аффиксом относительности *-қы/-ке*.

Некоторые татарские говоры, характеризуются сохранением в них исторически полного варианта аффикса абстрактной принадлежности. Это касается татарских говоров сибирского ареала: тюменского, заболотного, тобольского, тарского, тевризского, говоров тоболо-иртышского диалекта, частично, калмакского говора томского диалекта и барабинского диалекта. Например: *Малайымныңқы уйгысы* – литер. малаемның көймәсе – лодка (моего) сына, *киленцәгебеснеңке инәсе* – мать нашей сношеньки, *паламныңқы бицәсе* – улымның хатыны – жена (моего) сына, *авылныңқы йәшләре* – авыл яшьләре – молодежь села, *Пәтқийә палтызымныңқы қалбақ пулған* – у свояченицы Фатхии был калфак и др.

Кроме них исторически полный вариант указанного аффикса спорадически наблюдается в подговорах пермского говора, что, видимо, связано, как нами неоднократно указывалось, с восточно-тюркским компонентом, участвующим в формировании носителей пермского говора. Например: *авылныңқы зурлығы* – величина (моей) деревни; *Нафисәнеңкеләрнең жирләре* – земли, бригады Нафисы; *аныңқы инәсе белән Рапқаныңқы әтәсе бертуған* – его мать и отец Рафаэля родные. Общие с восточно-тюркскими языками, также и барабинским и другими татарскими (тоболо-иртышским, томским) диалектами сибирского ареала особенности обнаруживаются во всех языковых ярусах, обозначена и богатая общая диалектная лексика, часть которой зафиксирована и в памятниках древнетюркской письменности. Все это показывает наличие особой древней общности между пермским говором и говорами татарского языка сибирского ареала.

Исторически полный вариант аффикса абстрактной принадлежности *-нықы/-неке* наблюдается и в нукратско-глазовском говоре среднего диалекта.

Однако в данном говоре он имеет некоторое фонетическое различие: *-нынқы/-ненке*, то есть переднеязычный носовой звук [н] не подвергается уподоблению звукам [к], [к] по месту образования. Примеры: *Авылнынқы кешеләр Қазанда булғалағанда* – люди деревни бывали в Казани; *Безненке киленненке туғаннар Ижауда торалар* – Родственники нашей снохи живут в Ижевске; *Сапкүзнынқысы эшләр күп ки* – Работы у совхоза, кажется, еще много.

Исследование татарских говоров методом лингвистической географии дает основание полагать, что заднеязычно-носовой [ң] в тех говорах, которые сформировались изолированно в том или ином отношении и носят реликтивный характер, имеет довольно ограниченное употребление. Например, к числу таких говоров можно отнести параньгинский, мордва-каратаевский, нукрато-глазовский, мишарские и др. говоры. В касимовском, как и в чувашском языке, в традиционном говоре [ң] вообще отсутствует и т.д. Таким образом, в нукрато-глазовском говоре также продолжает сохраняться исторически полный вариант аффикса абстрактной принадлежности *-нықы/-неке*, хотя и в несколько иной модификации. В исторических материалах зафиксированы факты общения предков нукратских и локальных групп пермских татар. Так, Дж.Валиди отметил, что нукратские татары имели торговые и культурные связи с татарами города Перми и его окрестностей, чему способствовало наличие такого удобного пути, как р. Кама (Валиди, 1930: 143). При исследовании нами было обнаружено, что пермский говор по некоторым особенностям проявляет общность с нукратско-глазовским (Рамазанова, 1974: 92–112).

Тем самым, вариант *-нықы/-неңке* характерен для таких периферийных говоров, которые развивались, в некоторой мере, в отрыве от основной массы татар и их говоров, в иноязычном окружении, в каких условиях часто происходит консервация реликтивных явлений.

Материалы для «Атласа татарских народных говоров» показали, что живая речь постоянно находится в движении и развитии. Так, например, в аффиксе *-нықы/-неке* фонетические процессы продолжились и дальше. Причем,

эти процессы коснулись, прежде всего, тех звуков, которые обозначены в тюркологии как наиболее неустойчивые: *-ныңқы/-неңке* > *-(ы)ңқы/-(е)ңке*. Как видно, здесь можно предполагать о редуции переднеязычного [н]. Например: *миңке* – литер. минеке – мой, *аңқы* – литер. аныкы – его (ее), *шуңқы* – литер. шуныкы – у того, *сиңке* – литер. синеке – твой (твоя, твое) и т.п.

Такое сокращение переднеязычного [н] отмечено в нукратско-глазовском (как редкое явление), спорадически – в пермском говоре и в татарских говорах сибирского ареала. Причем, в пермском говоре, за исключением его сылвенского и иренского подговоров, подобные сокращенные варианты в местоимениях выступают довольно систематически. Видимо, эти подговоры являются центром изоглоссной зоны распространения варианта *-(ы)ңқы/- (е)ңке*. По нашим наблюдениям нукратско-глазовский, северные части Западного Башкортостана, златоустовский и ичкинский (материалы экспедиции 2010 г.) говоры и тоболо-иртышский диалект являются вибрационными зонами рассматриваемого явления.

Таковы фонетические варианты аффикса *-нықы/-неке* в татарских говорах. Изоглосса исторически полного варианта объединяет довольно значительную территорию татарского диалектного языка, представляет собой сплошной ареал в виде полосы, включающий нукратско-глазовский, пермский и сибирско-татарские говоры.

Как показала работа над “Атлас”ом, уникальные явления в употреблении формы абстрактной принадлежности *-нықы/-неке* проявляются и в другом – функционально-семантическом плане, в связи с чем также выделяются определенные ареалы. В тюркских языках, в том числе и в татарском литературном, слова с аффиксами абстрактной принадлежности выражают в предложении предикативные отношения или, субстантивирясь, выступают в качестве дополнения или подлежащего.

В ряде говоров, в отличие от литературного языка, слова с аффиксом *-нықы/-неке* выполняют функцию определения, при чем, они могут стоять как перед, так и после определяемого слова, или один из них может служить

определением к другому. Например: *қызларнықы терлеге* – литер. кызның бирнәсе – приданое девушки, *қазларныңқы туқыш* – корм гусей, *қоданықы быратыныңқы бичәсе* – жена брата свата, *минәңке иремнеңке машина* – машина моего мужа; *бул қызықай Рәмиснеке* – эта девочка – дочь Рамиса; *йите қыз булған аныңқы* – у него (нее) было семь дочерей.

Такая особенность характерна для пермского, нукрато-глазовского, красноуфимского, златоустовского, ичкинского говоров и говоров сибирско-татарских диалектов. Тем самым на территории Приуралья и Западной Сибири образовался сплошной ареал татарских говоров, характеризующихся употреблением формы на *-нықы/-неке* не в функции принадлежности, а в функции определения.

Кроме того, определение, выраженное словами с аффиксом принадлежности, бытует еще в говоре подберезинских кряшен (Арсланов, 1965: 20), в кузнецком говоре (Махмутова, 1962: 40), где оно употребляется факультативно, их изоглоссы представляют собой каждый из них географически ограниченные ареалы в пределах одного говора.

Язык является системой структурно-стройных отношений. Поскольку предикативная функция аффикса *-нықы/-неке* превратилась в определительную, т.е. функция сказуемого – в функцию определения, функция сказуемого же в вышеперечисленных говорах передается другими формами, синонимичными по семантике, в данном случае чаще всего аффиксом родительного падежа *-ның/-нең*. Например: *Шул қарчық күрше авылның* (литер. авылнықы) – Та старуха из соседней деревни. *Теге китап кемнең* (кемнеке) – Та книга чья? *Әле үтеп киткән қыз Хәтимәнең* – Девушка, которая только что прошла, дочь Хатимы. *Мучам үземнең үземә йарый* – литер. үземнеке үземә ярый – Свое для себя сойдет. *Ул оя тургайларның була* (тургайларнықы) – То гнездо принадлежало жаворонкам и т.п. Примеры приведены по златоустовскому (Хайрутдинова, 1985), пермскому (Рамазанова, 1974: 98), ичкинскому, красноуфимскому, нукратско-глазовскому (Юсупов, 2003) говорам, восточным диалектам (Рамазанова, 2007) татарского языка. Т.е. изоглосса данного явления составляет

также определенный ареал, причем, совпадающий с изоглоссой исторически полного варианта (*-ныңы/-неңе*) аффикса принадлежности.

Тем самым, в указанных говорах аффикс родительного падежа *-ның/нең* и аффикс абстрактной принадлежности *-ныңы/-неке* по своим синтаксическим функциям как бы взаимозаменяют друг-друга. Эта особенность наблюдается и в караимском, турецком языках, зафиксирована в уйгурских письменных документах, в памятниках старотатарской литературы. Например: в памятнике “Кыйссаи Йосыф” Кол Гали читаем: *Сән бәнең, бән сәнеңвән* – тат. литер. Син – минеке, мин – синеке – Ты – моя, я – твоя (Кол Гали, 1983: 130). Эта особенность рассматривается нами как явление исторического порядка, связанное с внутренними закономерностями развития тюркских языков (Рамазанова, 1974: 99).

Таковы ареальные особенности структурного и семантического функционирования аффикса абстрактной принадлежности *-ныңы/-неке* в диалектной системе татарского языка по данным “Атласа татарских народных говоров”.

Литература

Арсланов Л.Ш. Татар теленең Идел уңьяк ярында (Татарстан һәм Чувашстан территорияләрендә) таралган сөйләшләр // Татар теле һәм әдәбияты. – 3 китап. – Казан, 1965. – 5–26 б.

Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья. – В 2х томах. – Составители I тома: Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. Составители II тома: Баязитова Ф.С., Рамазанова Д.Б., Садыкова З.Р., Хайрутдинова Т.Х. / Ред.: Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. – Казань, 1989.

Бурганова Н.Б. Говор каринских и глазовских татар // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 2. – Казан, 1962. – С. 19–56.

Валиди Дж. Наречие каринских и глазовских татар // Труды общества изучения Татарстана. – Казань, 1930. – С. 135–144.

Кол Гали. Кыйссаи Йосыф. – Казань, 1983.

Махмутова Л.Т. О некоторых татарско-куманских параллелях: по материалам фонетики и грамматики // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. – Вып. 3. – Казань, 1985. – С. 117–142.

Махмутова Л.Т. Основные характерные черты мишарских говоров на территории Пензенской области: по материалам экспедиций 1958-1960 гг. // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 2. – Казань, 1962. – С. 125–162.

Рамазанова Д.Б. Грамматические особенности говора пермских татар // Материалы по татарской диалектологии. – Вып. 3. – Казань, 1974. – С. 92–112.

Рамазанова Д.Б. Татар теленең көнчыгыш диалектлары. – Төмән: Вектор Бук, 2007. – 260 б.

Татар халык сөйләшләр. – 2 китапта / Баязитова Ф.С., Рамазанова Д.Б., Хәйретдинова Т.Х., Садыкова З.Р., Барсукова Р.С. – Казан: Мәгариф, 2008. – I китап. – 463 б. – II китап. – 495 б.

Хайрутдинова Т.Х. Говор златоустовских татар. – Казань: Татар.кн.изд-во, 1985. – С. 158.

Юсупов Ф.Ю. Татар теленең диалектлары: Урал сөйләшләр. – Казан: Мәгариф, 2003. – 351 б.